

ГЛАВА 5

Сократ и вера

Облака, фарфоровый чайник и летающий макаронный монстр

Один из позднейших исследователей написал*, что «реальный Сократ и его тезка из аристофановской комедии схожи, пожалуй, только в том, что оба они — и в жизни, и на сцене — ходят босиком. Это, однако, не помешало тому, что для многих афинян карикатура подменила собой прототип и прочно закрепилась в их памяти». Долгое время такая точка зрения была почти общепризнанной. Но так ли это? Нет сомнений, что аристофановский Сократ — образ карикатурный, точнее гротескный. Разумеется, реальный Сократ никак не мог верить в то, что миром правят Облака. Но точно так же реальный мудрый Сократ никак не мог верить, что Вселенной правит сексуальный маньяк, который постоянно обманывает жену, а та, в свою

* Нерсесянц В. С. Сократ. М. : Наука, 1977.

очередь, почти все свое время тратит на то, чтобы отыскать любовниц мужа и устроить им какую-нибудь гадость. Что Афина и Посейдон действительно спорили, кому из них должна принадлежать столица Аттики, и что только после того, как Афина предложила местным жителям в качестве взятки оливковое дерево, они предпочли ее и назвали свой город Афинами.

Да и аристофановская история об Облаках, возможно, стоит того, чтобы присмотреться к ней пристальнее. Известный (и вполне серьезный) философ XX века Бертран Рассел для того, чтобы подчеркнуть алогичность религиозных догм, придумал так называемую аналогию с фарфоровым чайником. «Если бы я стал утверждать, — пишет Рассел, — что между Землей и Марсом вокруг Солнца по эллиптической орбите вращается фарфоровый чайник, никто не смог бы опровергнуть мое утверждение, добавь я предусмотрительно, что чайник слишком мал, чтобы обнаружить его даже при помощи самых мощных телескопов. Но заяви я далее, что, поскольку мое утверждение невозможно опровергнуть, разумный человек не имеет права сомневаться в его истинности, то мне справедливо указали бы, что я несу чушь»*.

* Russel B. Is There a God? // Illustrated, 1952 (статья отправлена в редакцию журнала, но не опубликована). Отсюда пошла аналогия, названная «чайником Рассела». Она опровергает тезис, что доказывать ложность религиозных утверждений должен сомневающийся.

А группа современных атеистов в тех же целях придумала пастафарианство* — пародийную религию, в которой утверждается, что «неощутимый Летающий макаронный монстр создал Вселенную... Он, конечно же, невидим и с легкостью проходит сквозь материю». Не правда ли, очень напоминает аристофановские Облака? Не исключено, что реальный Сократ действительно придумал забавный пример с Облаками, чтобы убедить своих учеников в абсурдности существовавших в те времена религиозных представлений. А прослышавший об этом злой насмешник Аристофан представил дело так, будто Сократ всерьез внушает молодежи, что Облака правят миром. Между прочим, на уровне тогдашней науки опровергнуть это было невозможно — так же как и существование на околосоляной орбите фарфорового чайника.

Во что же верил Сократ?

Пытаясь ответить на этот вопрос, мы оказываемся заложниками самого младшего из учеников Сократа — Платона. Он приводит множество историй, будто бы услышанных им и другими людьми из уст Сократа: о богах, о том, как

* Эта религия основана в 2005 г. Бобби Хендерсоном в качестве протеста против решения образовательного департамента штата Канзас о введении в школах курса «Разумного замысла» в качестве альтернативы учению Чарльза Дарвина.

они управляют этим миром, в каких отношениях находятся с человеком и чего нам ждать от них после окончания земной жизни.

Во-первых, неизвестно, действительно ли эти истории принадлежат Сократу, не выдуманы ли они Платоном.

Во-вторых, они далеко не во всем стыкуются друг с другом. Скорее наоборот: одни практически исключают другие. Конечно, и сам Сократ прожил долгую жизнь, и его взгляды на самый важный для серьезного мыслителя вопрос о Боге и его взаимоотношениях с Человеком менялись. Не менее долгую жизнь прожил и Платон. И его мировоззрение тоже эволюционировало, что и нашло отражение в написанных в разные периоды его жизни многочисленных «диалогах», в которых действует и рассуждает Сократ.

Кроме того, ни одну из историй, рассказанных Сократом (и в неизвестной нам степени отредактированной Платоном), нельзя толковать буквально. По большей части они имеют символический смысл, который и современники Платона, и люди более поздних эпох расширяли каждый на свой лад.

Пещерные люди

Возьмем знаменитую притчу о пещере, которую, если верить Платону, его брат Главкон слышал от Сократа (трактат «Государство»). В ней рассказывается о том, что

наш мир — некое подобие темной пещеры, в которую, впрочем, проникает свет через большое отверстие. Беда в том, что люди, живущие в пещере, в силу обстоятельств все время находятся спиной к этому свету и видят не вход, а противоположную от него стену. А о том, что за пределами пещеры, могут судить только по обрывкам разговоров, которые ведут какие-то существа, время от времени проходящие мимо. И по их теням, которые пробегают по освещенной стене. Ясно, что информацией о большом мире люди из пещеры обладают скудной, отрывочной и малодостоверной. И чтобы истолковать ее приемлемым для своего понимания образом, выдумывают всякие басни — вроде нелепых историй об олимпийских богах, их ссорах и любовных похождениях. А если «пещерные» люди и попробуют обернуться и посмотреть на вход, то будут ослеплены обжигающим светом истины, ничего не увидят и поскорее отвернутся в темноту — к своим теням и нелепым сказкам. Только немногие избранные решатся повторить попытку. Это тяжело и неприятно, больно, страшно и закончится, скорее всего, трагически. Но таков удел мыслящих людей, которые не хотят довольствоваться игрой теней, а стремятся к свету истины. Их желание смотреть на свет непременно будет раздражать соседей по пещере, сделавших выбор в пользу успокоительного полужнания. Даже если Платон сам придумал эту притчу, в ней трудно не узнать реальную судьбу Сократа, который

и сам пытался всегда смотреть не на тени, а на источник света, и тому же учил молодежь (то есть, выражаясь языком его обвинителей, «развращал»).

А самое главное, что из этой истории следует: за пределами нашего мира есть какие-то высшие силы. Но понять их сущность человеку, даже если он отважится смотреть прямо на свет, очень сложно, а в полной мере — невозможно. Наверное, мы не ошибемся, если предположим, что именно этот слепящий свет непостижимой истины Сократ и считал Богом.

Бог и любовь

В другом произведении Платона, уже не раз упоминавшемся диалоге «Пир», собеседники ведут разговор о любви и ее боге-покровителе Эроте. Кстати, именно во время этого разговора «комик» Аристофан рассказывает вроде бы забавную, но в то же время трогательную легенду об Андрогинах — существах, которыми раньше были люди и которых боги, опасаясь их силы и заносчивости, разрезали каждого пополам. С тех пор и ходим мы по земле, как грустно замечает «комик», разыскивая свои половинки, а находим их очень редко.

Но Сократ (или Платон) Эрота понимает иначе. По его словам, это вовсе не Бог, а связь между Богом и людьми. А любовь, которой он покровительствует, или, наоборот,

служит, — это любовь к вечному обладанию благом, то есть к бессмертию. Эрот по-своему философ, который любит самое прекрасное благо на свете — мудрость. Кажется, что от этих рассуждений всего один шаг до известной христианской максимы «Бог есть любовь». Но это кажется нам, сегодняшним людям, а человечеству потребовалось проделать долгий, почти пятисотлетний путь, чтобы преодолеть это расстояние. И первый шаг сделал, конечно, Сократ.

Тело и душа

Человеческое тело легко разрушить. Но исчезает ли душа вместе с ним? Сократ был уверен в обратном. Более того, он не сомневался, что душа — не порождение тела, а возникла намного раньше. Доказательство он приводит на первый взгляд странное и запутанное, но если немного подумать и разобраться, то по-своему логичное*. Когда человек исследует какое-то мнение и пытается установить его ложность или истинность, он далеко не всегда может прибегнуть к эмпирическому опыту. И даже когда может, вероятность ошибки все равно остается, потому что учесть все случайности, которые влияют на результат эксперимента, невозможно. Приходится прибегать к законам

* Доказательство приводится в диалоге Платона «Федон».

логики. Но законы логики, так же как аксиомы евклидовой геометрии, базируются не на эксперименте. Это истины, не требующие доказательств. Параллельные прямые не пересекаются. Нельзя одновременно существовать и не существовать, быть и живым, и мертвым. Это каждому из нас очевидно, а почему? Любой разумный человек изначально обладает этими знаниями. А уже из них вытекают все остальные. Следовательно, по мнению Сократа, есть знания, не зависящие от нашей материальной природы, а изначально содержащиеся исключительно в нашей душе. Получается, что душа не равна материальному телу, а следовательно, и не зависит от него. И когда мы, пользуясь законами логики, исследуем какой-то вопрос, мы всего лишь припоминаем то, что знали прежде.

Перед смертью Сократ, утешая учеников, рассказывает им о том, что ждет добродетельные души после смерти: они отправляются в лучший мир, где будут общаться с богами и душами других достойных людей. Местоположение лучшего мира Сократ определяет неясно: из его слов можно догадаться, что он где-то здесь же, на Земле, но в то же время в неких «выемках» нашей планеты, человечеству неизвестных. Однако между той выемкой, в которой живет человеческий род, и теми, где обитают души и другие существа, есть тайные проходы, которые в телесном виде человек не может преодолеть, потому что они заполнены кипящей лавой, льдом или

еще чем-нибудь, губительным для тела, но безопасным для добродетельной души.

И здесь опять вспоминаются слова Евангелия от Иоанна (Ин. 14:2): «В доме Отца Моего обителей много», — которые не только любители эзотерики, но и вполне серьезные современные физики истолковывают как утверждение о существовании иных измерений, которые непроницаемы для нашей нынешней физической природы, но могут быть преодолены с помощью пока еще неизвестных нам энергий.

Не только судьи, но и друзья, и ученики не были готовы понять Сократа. Им казалось, что красивые рассуждения о смерти и загробном существовании души — одно, а реальная смерть Учителя — совсем другое. Но для Сократа философия была не игрой, как для его предшественников-софистов, а главным смыслом жизни. И он готов был полностью заплатить за свои слова.

Когда позже, уже перед самой казнью, его старинный друг Критон заплакал оттого, что так и не смог уговорить философа бежать, «он тихо засмеялся и, обернувшись к нам, продолжал: — Никак мне, друзья, не убедить Критона, что я — это только тот Сократ, который сейчас беседует с вами и пока еще распоряжается каждым своим словом. Он воображает, будто я — это тот, кого он вскорости увидит мертвым, и вот спрашивает, как меня хоронить! А весь этот длинный разговор о том, что, выпив

яду, я уже с вами не останусь, но отойду в счастливые края блаженных, кажется ему пустыми словами, которыми я хотел утешить вас, а заодно и себя»*.

Неведомый Господь

Но как познать истинные цели Божества и не ослепнуть во время этих попыток? Сократ никого ничему не учил, он просто задавал вопросы. Если его собеседники были людьми честными и неглупыми, они пытались найти ответы и чаще всего не находили. А если находили, то ответы были обычно «отрицательными».

Вспомним еще раз софистов и их софизмы, доказывающие отсутствие абсолютной истины. Один из самых знаменитых сформулирован примерно так: если существует всемогущий Господь, в состоянии ли он совершить что-либо, ограничивающее его всемогущество? Этот софизм куда серьезнее того, который о рогах, и того, который о денежных расчетах между Протагором и его учеником, и того, что о лжецах-критянах. В нем главный вопрос софистики — существует ли абсолютная истина? — ставится открыто и точно. И мы видим, что ответа логика не даст. Если Всемогущий может ограничить свое могущество, то он не Всемогущий. Если не может, то тоже. Замкнутый круг.

* См.: Платон, «Диалоги».

Через 500 лет после Сократа христианство найдет выход. Господь всемогущ настолько, что законы логики, которые он же и создал, на него не распространяются. Не вмещается он и в рамки философских терминов, и вообще в языковые формы. А человек отнюдь не всемогущ, поэтому постичь этого не в состоянии. Фразу *Credo quia absurdum* («верую, ибо абсурдно») произнесет один из «отцов церкви», христианский философ Тертуллиан, и эти его слова с тех пор остаются краеугольным камнем любой религиозной философии. Вера выше логики, и смешивать ее с наукой не стоит.

Демон против абсурда

Ответы софистов Сократа не устраивали. Но и до создания универсальной мировой религии тогда еще было далеко. Не только слушатели Сократа, но и он сам не был готов принять Бога, не постигаемого разумом. Вряд ли его устроил бы ответ Тертуллиана.

Тогда, возможно, судьи Сократа были правы? Учитель вооружил несмышленных юношей новым убийственным оружием — железной, даже стальной логикой. Против этого оружия старые предохранители — вера в незыблемость традиций, простых и понятных языческих богов и созданные ими законы — оказались бессильны. Особенно если оружие логики попадало в руки таких

сильных и необузданных натур, как Алкивиад. Конечно, правы те, кто говорит, что убивает не оружие, а владеющий им человек. Но он, чтобы не быть опасным для всех вокруг, должен руководствоваться какими-то незыблемыми правилами. И Сократ попытался хотя бы одно такое правило установить. Назвал он его Демоном, местом обитания определил душу. И призвал во всех сложных случаях, когда логика не может подсказать абсолютно правильное решение, прислушаться к глубинам своей души.

Познай своего демона

Рассказы Сократа о Демоне (Даймонионе) были многим его современникам и соотечественникам непонятны и породили множество анекдотов. Вот рассказывали, например, что шел однажды Сократ по улице, сопровождаемый группой учеников. Вдруг остановился — и словно бы к чему-то прислушался. Затем объявил, что дальше идти нельзя — Демон не советует. И свернул в боковой переулок. Большинство последовало за ним, но некоторые, посмеявшись над странным вмешательством Демона в такой малозначительный вопрос, пошли прежним путем. «И вот, когда они проходили по улице Ваятелей мимо судебной палаты, им навстречу выбежало тесно сплоченное стадо покрытых грязью свиней. Посторониться

было некуда, так что свиньи одних сбили с ног, других обмазали сплошь грязью»*. После этого происшествия его участники со смехом, но и с некоторым страхом вспоминали, как всегда заботится о Сократе его Демон. Из анекдота видно, что его авторы понимали сократова Демона слишком буквально: представляли его в виде пресловутой черной кошки, перебежавшей дорогу. В том же духе другое истолкование — его, как и предыдущее, приводит Плутарх (живший через 400 лет после Сократа): демон Сократа — просто «чихание, свое ли собственное или чужое. При этом если кто-либо другой чихнул справа, или сзади, или спереди, то это побуждало к действию, если же слева, то заставляло воздерживаться; собственное же чихание утверждало в намерении совершить намеченное действие, но удерживало от завершения того, что уже было начато»**. Ясно, что те, кто пересказывал эти истории или смеялся над ними, либо ничего не понимали в главной заповеди Сократа «познай самого себя», либо делали вид, что не понимают. Ведь сократовский Демон — это не что-то внешнее по отношению к нему. Это вовсе не черная кошка, не чихание, не рассыпанная соль. Это нечто, живущее в душе человека, непостижимая и необъяснимая способность различать добро и зло. Можно, конечно, назвать

* Плутарх. О демоне Сократа // Суд над Сократом: сборник исторических свидетельств / сост. А. В. Кургатников. СПб. : Алетей, 1997.

** Там же.

ее интуицией. Но Сократ прислушивался к Демону вовсе не для того, чтобы избежать столкновения со стадом свиней, а чтобы не совершить нравственную ошибку. И тогда вернее будет назвать Демона «голосом совести». А «познать самого себя», помимо и прежде всего прочего, — значит научиться слышать и узнавать этот голос. Спустя 2000 лет Иммануил Кант назовет эту способность «категорическим императивом», «нравственным законом» и тоже будет говорить о невозможности ее объяснить.

Не только разум

Потенциально эта способность есть в душе любого человека — она и отличает его от животного. Животное руководствуется инстинктами и рефлексам. Человек, в общем-то, тоже. Но кроме них есть еще разум. А кроме разума — «нравственный закон», то есть Демон. Животному легко: перед ним не стоит проблема выбора. Во всех спорных случаях оно руководствуется инстинктами или просто следует за вожаком. Когда Алкивиад спорит с Периклом, он указывает на то, что слепо подчиняться законам — значит вести себя как животное из стада. Надо ставить вопросы: а зачем, а почему, а действительно ли это выгодно? — и, найдя ответ, поступать соответственно. Даже если это расходится с общим мнением и законами. И если бы Сократ учил Алкивиада только этому, то он действительно

был бы достоин осуждения. Но Алкивиад потому-то и боялся Сократа больше, чем всех спартанцев и персов вместе взятых, что знал: Сократ — не Перикл. Обсудив, что разумно, а что нет, он не остановится, а начнет звать и к душе — то есть к совести, к Демону Алкивиада, который, конечно, тоже говорил с ним, как с любимым достаточно умным человеком, но часто отвергал то, что разум посчитал выгодным и поэтому правильным. И, наверное, Алкивиад часто выбирал вроде бы самый разумный вариант, но тот оказывался плох. Не потому что невыгоден, а потому что *плох*. В нравственном отношении, а не в материальном.

Неразумно было выручать из беды раненых и окруженных врагами товарищей — ведь наиболее вероятным результатом была собственная смерть. Да и биологический инстинкт самосохранения тоже подстегивал: беги, спасайся. Но Алкивиад не бросил друзей и помог пробиться к своим. Он любил притворяться циником, но в глубине души им не был. Жаль только, что в глубину своей души он заглядывал, только если рядом с ним был Сократ. А поскольку потом он много лет не видел Сократа, то попросту свернул своему Демону шею и заставил совесть замолчать навсегда. В этом и отличие Всемогущего и Всеобъемлющего Создателя Тертуллиана от личного Демона Сократа. Демон, хотя и не зависит от логических законов, «живет» непосредственно в человеческой душе и, возможно, просто является одной из ее

функций — не исключено, что и главной. А непознаваемый Господь авраамических религий — повсюду и во всем. Поэтому законы, установленные им, универсальны и дают не только отрицательные, но и положительные ответы. С Демоном сложнее. Он только в тебе. И если ты отказываешься его слушать, то хаос окружающего мира тебя победит. Верить во Всемогущего, одного для всех Бога намного легче. Беда только, что эта вера очень быстро для многих превращается в такой же набор суеверий и ритуалов, как и вера наших предков в языческих богов древности.

В общем, мы можем сделать вывод, что Сократ, конечно, не был безбожником, если под безбожием понимать атеизм или даже просто материализм. Как мы видим, он верил не только в атомы материального мира, но и в существование иных миров, высший свет истины и любовь, которая связывает человека и Бога.

Сократ смеялся не над Богом, а над маленькими языческими божками, нелепыми суевериями, владевшими нехитрыми умами его современников, да и сегодня более распространенными, чем настоящая вера. Во все времена людей привлекала не философская, а прагматически-магическая сторона религии. Принеси жертву сладострастнику Зевсу. Зажги свечку. В определенный час в определенном месте прикоснись лбом к земле и пробормочи несколько слов на непонятном тебе языке — и Бог,

который до сих пор не был уверен в твоей преданности, проникнется к тебе расположением и обязательно поможет в твоих делах и делишках, даже не слишком благовидных. И Сократ хорошо понимал, что большинство его судей тоже именно так и рассуждают.

Присяжные и демон

Наверняка среди присяжных многие понимали, что судят человека куда более достойного, чем они сами. И это очень их раздражало. А еще больше их раздражало, что над Сократом нельзя было просто посмеяться, как над эдаким, как сказали бы сегодня, «ботаном» — чудиком и дурачком. Только начни — и еще неизвестно, кто над кем посмеется и кто кого оставит в дураках. Начнет задавать свои вопросы... Запутает, собьет с толку.

Может быть, многих злило то, что он вообще пришел на суд. Ведь и здравый смысл, и инстинкт самосохранения любому «нормальному человеку» подсказали бы: беги! Есть куда, а преследовать никто не станет. Об этом почти в открытую говорили ему некоторые судьи: кто из уважения к его годам, кто — к мудрости, а кто просто из жалости, не желая выносить ему смертный приговор. Им достаточно было увидеть его страх, услышать просьбы о прощении.

Но, как говорится, не на того напали. Ему предлагали бежать на остров Эгину, в Фивы, в Коринф или даже

к заклятым врагам спартанцам, которым если не сам Сократ, то его скверные ученики «продали отечество». Наверняка на его месте любой софист так и поступил бы. Но Сократ не был софистом. Он не торговал истиной. Он на самом деле всю жизнь ее искал. Он не для красного словца говорил, что надо слушать голос совести. Он на самом деле верил в бессмертие души и уже приготовился к переселению в обитель, где никто из врагов не сможет его достать и откуда не видно разницы между Афинами, Спартой и даже Персией.

Без компромиссов

Если бы он убежал, то тем самым расписался бы в том, что все, чему он учил, такая же словесная игра, как софизмы: внешне блестящая, но пустая. Но для него философия была не игрой, а единственным содержанием жизни, которая, по словам поэта XX века, «взамен турусов и колес не читки требует с актера, а полной гибели всерьез»*.

К тому же не следует забывать, что Сократ все-таки был «дедушкой» идеализма. Он, правда, сомневался в разуме своих современников — им легче жить в темной пещере и вместо Истины довольствоваться ее слабой тенью. Но Сократ верил в будущие поколения. И не только

* Цитата из стихотворения Б. Пастернака «О, знал бы я, что так бывает...».

в особенно отдаленные, но и в ту молодежь, вместе с которой искал мудрость. Такие люди, по его мнению, были не только в Афинах, но и по всей Греции. «Я ведь отлично знаю, — говорил он на суде, — что, куда бы я ни пришел, молодые люди везде будут меня слушать так же, как и здесь; и если я буду их отгонять, то они сами меня выгонят»*.

Поэтому его защитительная речь больше похожа на вызов, чем на просьбу о пощаде. Явно с провокационными целями он вплетает в нее давнюю историю о том, как его объявил мудрейшим из людей не кто-нибудь, а сам бог Аполлон.

Апелляция к Аполлону

В городе Дельфы находилось одно из старейших святилищ. Видимо, когда-то, очень давно, еще до того, как предки греков захватили юг Балканского полуострова, там поклонялись каким-то совсем древним богам, возможно, чудовищам. Но греки устроили там храм Аполлона. Помимо прочего, храм был известен своим оракулом: можно было прийти и задать божеству вопрос о будущем. Или узнать правду о настоящем. И бог отвечал, никому не отказывал. Поэтому не стоит удивляться, что народ валил в Дельфы

* Цит. по: Платон. «Апология Сократа».

валом. Конечно, и сам храм, и все жители Дельф извлекали из этого немалую пользу. Современные экономисты сказали бы, что религиозный туризм был основной статьёй доходной части городского бюджета. Насколько можно понять из довольно туманных описаний, механизм получения пророчества выглядел так. При святилище жила специально выбранная из многих кандидаток женщина — Пифия. Она (поначалу это было раз в год, а потом, когда популярность святилища возросла, — чуть ли не каждый день) садилась в специальном помещении около расщелины в скале. Из глубины поднимались какие-то дурманящие испарения. Надышавшись ими и придя в соответствующее психическое состояние, Пифия отвечала на заданные ей вопросы. Ее фразы были чаще всего бессвязны. Их следовало интерпретировать понятным для «клиента» образом — чем и занималась группа жрецов. Получившееся таким образом предсказание, или «экспертное заключение», отдавалось просителю. В наше время считается, что жрецы не столько пытались разобрать слова Пифии, сколько заботились о том, как бы предсказание, с одной стороны, соответствовало желанию вопрошающего (особенно если он был человеком влиятельным и могущественным), а с другой — не разошлось бы слишком сильно с истиной и не подорвало репутацию храма.

Широко известна история о том, как один из спартанских царей, Клеомен, желавший доказать, что его

соперник не имеет прав на престол, подкупил некоего Кобона, одного из влиятельных граждан Дельф, видимо, специализировавшегося на таких закулисных сделках. В результате Пифия дала нужный ответ. «Демарат — не сын Аристона» — гласил этот древнейший известный нам генетический тест. Подкуп раскрылся, разгорелся скандал, и, чтобы поскорее его замять, Кобона изгнали из Дельф, а Пифию с позором лишили сана.

Поэтому в дальнейшем на вопросы конкретные и требовавшие простого и однозначного ответа — совершить ли тот или иной поступок, затевать ли какое-то дело, объявлять ли войну — ответ давался чрезвычайно запутанный и допускающий множество истолкований, даже в зависимости от интонации, с которой его можно прочесть (вроде знаменитой фразы «казнить нельзя помиловать»). На этот счет в Древней Греции ходило множество анекдотов. Самый известный касается вопроса лидийского царя Крёза (как видим, Аполлона лучшим политконсультантом считали не только греки): стоит ли ему начинать войну с персами? «Начнешь войну, — ответила Пифия, — разрушишь великое царство». Понимай как хочешь. Крез понял так, как ему нравилось, и действительно разрушил великое царство — только не персидское, а собственное. И наоборот, если вопрос касался предметов умозрительных, отвлеченных, то ответ чаще был однозначным, но непроверяемым.

Пифия и Сократ

И вот, выступая перед судом, Сократ неожиданно вспомнил, как один из его горячих поклонников, некий Херефонт, спросил у Пифии: есть ли кто на свете мудрее Сократа? Последовал ответ: в мудрости никто не сравнится с Сократом. Нетрудно заметить, что, отвечая так, Пифия или записавшие ее ответ жрецы абсолютно ничем не рисковали. Во-первых, термин «мудрость» можно трактовать как угодно. Что это — ум, знания, жизненный опыт, умудренность в каком-то деле, умение принимать верные решения, талант? Во-вторых, что бы мы ни называли мудростью, — где он, ее критерий? Как ее взвесить, как сравнить мудрость одного человека с мудростью другого? И как проверить, корректно ли сравнение? В-третьих, любопытно, что Херефонт не рискнул спросить Пифию — кто мудрейший человек на свете? Мало ли: вдруг назовет какого-нибудь вымышленного персидского мага, якобы живущего на другом конце земли. Фактически он подсказал ей тот ответ, который хотел услышать, заранее назвав имя мудрейшего. Наверняка Сократ, от которого все эти маленькие хитрости ускользнуть не могли и который сам всю жизнь только тем и занимался, что учил других правильно ставить вопросы и добиваться вменяемых ответов, только посмеялся, когда услышал об этой попытке Херефонта устами Пифии устроить дополнительную

рекламу своему Учителю. Однако на суде он вдруг припомнил эту историю, чем вряд ли вызвал к себе симпатии присяжных. Ведь, по сути, он, во-первых, в лицо заявил им, что намного их всех умнее, а во-вторых, на корню пресек любые возражения и сомнения: ведь так, устами Пифии, сказал бог Аполлон. А кто в этом усомнится — тот и есть безбожник! И его-то и надо судить за богохульство и развращение юношества, а вовсе не Сократа!

Не в деньгах дело!

Вообще говоря, всерьез Сократ отнесся только к второстепенному обвинению в том, что брал со своих учеников деньги. Хотя никто не приговорил бы его к смерти или даже к штрафу за то, чем занимались многие его современники, в том числе и кое-кто из судей. Как мы уже отмечали, не исключено, что дело обстояло не совсем так, как стараются представить Сократ и его преданные ученики. Возможно, карикатурная «мыслильня» — не только плод воображения Аристофана. Да и вообще, что дурного в том, чтобы брать деньги за свою работу? Но Сократ почему-то особенно враждебно отнесся именно к этому вроде бы второстепенному обвинению. Возможно, ему хотелось доказать, что, в отличие от шарлатанов-софистов, он занимался с учениками вовсе не ради денег или, во всяком случае, не только ради них. Сократа обидало, что

его судьбы не видят разницы между ним и теми, кто учит побеждать в спорах независимо от того, на их ли стороне правда. А он — не важно, за деньги или бесплатно — учил молодежь искать истину. Как-то он сказал собеседнику, восхищенно воскликнувшему, что спорить с Сократом невозможно: «Нет, милый мой Агафон, ты не в силах спорить с истиной, а спорить с Сократом — дело нехитрое»*.

Не дождетесь!

Зато как от чего-то совершенно несерьезного Сократ отмахивается от предложения признать свою вину и удалиться в изгнание. «Сильно бы, однако, должен был я трусить, если бы растерялся настолько, что не мог бы сообразить вот чего: вы, собственные мои сограждане, не были в состоянии вынести мое присутствие и слова мои оказались для вас слишком тяжелыми и невыносимыми, так что вы ищете теперь, как бы от них отделаться; ну а другие легко их вынесут?»**

Сократ как будто нарочно дразнит судей. «Если вы меня убьете, то вам нелегко будет найти еще такого человека, который, смешно сказать, приставлен к городу как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся

* Цит. по: Платон. «Пир».

** Цит. по: Платон. «Апология Сократа».

от тучности и нуждающейся в том, чтобы ее подгоняли. В самом деле, мне кажется, что бог послал меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает. Другого такого вам нелегко будет найти, о мужи, а меня вы можете сохранить, если вы мне поверите. Но очень может статься, что вы, как люди, которых будят во время сна, ударите меня и с легкостью убьете, послушавшись Анита, и тогда всю остальную вашу жизнь проведете во сне, если только бог, жалея вас, не пошлет вам еще кого-нибудь»*.

То есть он мало того что не проявляет ни малейшего желания раскаяться, но еще и требует благодарности за то, что столько лет досаждал согражданам, как овод лошади. А на предложение выбрать наказание он заявляет, что на месте судей назначил бы себе не наказание, а награду: бесплатный, за счет государства, обед. В Афинах действительно существовала такая мера поощрения для особо отличившихся сограждан — некий аналог современной персональной пенсии. Попробуйте представить, что в современном суде эту персональную пенсию в последнем слове потребует обвиняемый. А просить о снисхождении ему Демон не велел. Ну, так мы покажем, каково это: слушаться такого глупого Демона!

* Цит. по: Платон. «Апология Сократа».

В общем, присяжные, решив (не без оснований), что Сократ над ними просто издевается, в конце концов приговорили его к смерти.

Смерть Учителя

Авторы последующих эпох в основном изображали и обвинителей Сократа, и афинский суд в слишком уж черном свете. Во-первых, как мы видели, афинским гражданам было в чем упрекнуть Сократа. Перед историей, философской истиной прав был, конечно, он, но ведь большинство людей живут не в истории, а сегодняшним днем и благополучие именно в нем ценят превыше всего. Афиняне не были исключением. Они напрямую связывали свое недавнее благополучие с системой полисного государства, полисным патриотизмом, верой в простых и понятных языческих богов. Как раз с тем, что разрушили Сократ и его ученики. А поскольку вместе с этими представлениями рухнули афинское могущество и процветание, горожане, большинство которых учились мудрости не у Сократа, а у софистов, путая причины со следствиями и составляя ложные послышки, приходили к выводу, что Сократ (если не прямо, то косвенно — как «развратитель молодежи») и повинен в нынешних несчастьях.

Между прочим, несколько лет назад историки и юристы из Кембриджского университета, изучив дело Сократа,

пришли к выводу, что с позиций тогдашнего афинского права Учитель все-таки был виновен в богохульстве и расшатывании нравственных устоев того времени, а следовательно, вынесенный ему приговор вполне законен. Правда, подобные «пересмотры дела Сократа» происходят регулярно и «судебные решения» выносятся диаметрально противоположные.

Как бы то ни было, не стоит забывать, что афиняне при всей нелюбви большинства к Сократу дали ему возможность защищаться в суде, предоставили право самому предложить для себя наказание, и даже когда он категорически отказался каяться и был приговорен к смерти, готовы были удовлетвориться самим фактом приговора, сквозь пальцы посмотреть на его возможное бегство, от которого он тоже отказался вполне сознательно. Да и казнь, к которой его приговорили, была достаточно милосердной. До самого конца его окружали друзья. Ему всего лишь надо было выпить яд. Причем вовсе не цикуту, которая фигурирует в большинстве историй. Цикута вызывает болезненные ощущения, а по описаниям очевидцев, Сократ умер тихо, без страданий, просто чувствуя, как постепенно остывают конечности, холод подбирается к сердцу. Мучительной агонии не было; ученики поняли, что он умер, только когда убедились, что Учитель перестал дышать. В наше время такую почти добровольную смерть, которая, по словам самого же Сократа, избавила его

от старческих болезней и слабоумия и позволила уйти, сохранив человеческое достоинство, пожалуй, назвали бы эвтаназией.

Французский художник Жак-Луи Давид в своей знаменитой картине «Смерть Сократа» (1787) изобразил момент, когда палач уже подает приговоренному чашу с ядом. Ученики, приняв пластические позы, рыдают, а сам Сократ, тоже довольно театрально воздев руки к небесам, с пафосом говорит, судя по всему, именно то, что и приписывает ему Платон: не стоит переживать, ведь душа отправляется в лучший мир. Картина Давида имеет множество живописных достоинств. Художники, работавшие на стыке двух стилей — классицизма и ампира, — были большими мастерами находить простые, но убедительные решения для сложных многофигурных композиций. Но эти решения (если рассматривать их не как чисто художественные, а в приложении к конкретной изображаемой ситуации) кое в чем напоминают софистику. В них ложна (то есть не до конца истинна) исходная, главная посылка. Смерть Сократа как раз была лишена пафоса. Он до самого конца подшучивал над друзьями и учениками, журил их за то, что никто из них так до конца его и не понял. Даже выращенный им лебедь, Платон, стоял тогда в слезах. Даже ему предстояло понять Учителя только много лет спустя. А от других и этого нельзя было требовать.

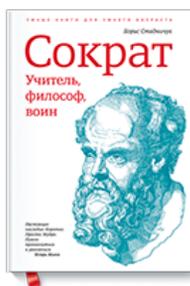
Некий Аполлодор все вздыхал и вытирал слезы, так что именно Сократу — пожалуй, единственному, кто сохранил в этой ситуации мужество, — пришлось его утешать. «Но мне особенно тяжело, Сократ, — сказал Аполлодор, — что ты приговорен к смертной казни несправедливо». Сократ, говорят, погладил его по голове и сказал: «А тебе, дорогой мой Аполлодор, приятнее было бы видеть, что я приговорен справедливо, чем несправедливо?»

И при этом он улыбнулся»*.

Смерть Сократа. Жак-Луи Давид, 1787

* Цит. по: Ксенофонт Афинский. «Защита Сократа на суде».

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

